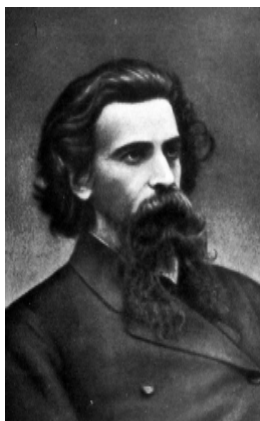


И. Д. Осипов

**ПО ТУ СТОРОНУ ЛИБЕРАЛИЗМА И КОНСЕРВАТИЗМА:  
СОЦИАЛЬНЫЕ ИСКАНИЯ В. С. СОЛОВЬЕВА  
(К 150-летию со дня рождения)**

*В статье анализируется социально-философская концепция великого русского мыслителя В. С. Соловьева. Рассматривается его философия всеединства, учение о богочеловечестве, философия хозяйства и права. Отмечается важность идей Соловьева для русской философии и социологии и их значимость для современного этапа развития русской культуры.*



Творчество великого русского мыслителя Владимира Сергеевича Соловьева\* является вершиной отечественной философии, высшим пунктом ее развития, в полной мере выявляющим особенности национального культурного синтеза. Социальные искания Соловьева затрагивали широкий круг проблем: его интересовали как конкретные вопросы преобразования российского общества, так и кардинальные проблемы развития человечества. Талант публициста, писавшего по насущным социальным и политическим темам, органично соединялся в нем с мастерством метафизика, разрабатывающего стройную систему философских аргументов. Воззрения философа оригиналь-

---

\* Соловьев родился 16 января 1853 г. в семье известного историка С. М. Соловьева. Пережив в годы учебы в гимназии (1864 – 1869) сильное увлечение материалистическими и социалистическими проблемами, что в 1869 г. Соловьев поступил на физико-математический факультет Московского университета. Однако на втором курсе, поняв ошибочность своего выбора, он перешел на историко-филологический факультет. Окончив в 1873 г. университет, он оставляет при нем для приготовления к профессорскому званию. В 1874 г. он защитил в Петербурге магистерскую диссертацию «Кри-

ны, и их нельзя отнести к какому-либо известному политическому направлению. «Как политик и публицист Соловьев не может быть назван ни социалистом, ни индивидуалистом, ни консерваторм, ни либералом, потому что он видит правду в каждом из этих противоположных направлений и пытается объединить их в органическом синтезе», — писал Е.Н. Трубецкой [1, с. 90]. Ничто так не раздражало Соловьева, как идолопоклонство. Он критиковал либерализм как одностороннее учение, не отражающее истинных, духовных задач и целей развития человечества, не способное выразить противоречивость природного и духовного бытия личности. Критике подвергался и отечественный консерватизм за непонимание важности для России общечеловеческого социально-нравственного прогресса, ценности личных прав и свобод. Хотя взгляды Соловьева в разные периоды жизни изменялись, он оставался безусловным противником реакционной политики Александра III и К.П. Победоносцева, приветствовал реформы Александра II, выступал сторонником предоставления всем широких и равных прав (свободы личности, слова, совести, неприкосновенности личности). При всей своей глубокой и искренней религиозности Соловьев был далек от клерикализма и выступал за веротерпимость, за связь религии с умственным просвещением и общественным прогрессом.

В социологии Соловьева развивались традиции религиозного органицизма. В своих исследованиях он следовал органическому методу, суть которого заключалась в раскрытии единства социального бытия, которое им понималось в контексте высших нравственно-религиозных ценностей. «Целое первее своих частей и предполагается ими. Эта великая истина, очевидная в геометрии, сохраняет всю свою силу и в социологии <..> Конт как основатель социологии не упускает заметить, что человечество разлагается сначала на общины, потом на семьи, но никогда на отдельные лица», — писал он [2, с. 570]. Органический метод Соловьева был тесно связан с историзмом, стремлением в прошлом найти объяснение развитию социальных процессов, на основе синтеза истории, социологии и философии осуществить всесторонний анализ культурной истории человечества.

Важнейшей задачей Соловьева была разработка христианской социальной философии. Обоснованию актуальности христианского вероучения в новых исторических условиях посвящены сочинения «Оправдание добра», «Чтения о богочеловечестве», «Нравственность и право», «Духовные основы жизни», «История и

---

зис западной философии (Против позитивистов)», которая вызвала одобрение славянофилов и критику западников. В декабре 1874 г. Соловьев избран доцентом Московского университета, но в феврале 1877 г. он выходит в отставку и переезжает в Петербург, где служит членом Ученого совета при министерстве народного просвещения, ведет активную преподавательскую деятельность в Петербургском университете и на Высших женских курсах. В это же время публикует работу по социально-философской теме «Чтения о Богочеловечестве» (1877 – 1881). В 1880 г. защищает докторскую диссертацию «Критика отвлеченных начал». 6 января 1881 г. Соловьев подает в отставку, после чего начинается новый период его жизни, отмеченный интенсивной научной и публицистической деятельностью. Он печатается в разных изданиях: «Русский Вестник», «Православное обозрение», «Русь», «Вестник Европы» и др.; публикует книги «Духовные основы жизни» (1882–1884), «История и будущность теократии» (Загреб, 1885 – 1887), «Русская идея» (Париж, 1888), «Россия и вселенская церковь» (Париж, 1889), переводит Платона, ведет философский отдел в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона. Фундаментальным и обобщающим трудом Соловьева была работа «Оправдание добра» (1894 – 1899), в которой разработан оригинальная нравственная философия. Умер он 31 июля 1900 г. в подмосковном имении Узкое среди своих друзей князей С.Н. и Е.Н. Трубецких.

будущность теократии», «Великий спор и христианская политика», «Россия и Вселенская церковь», а также последняя книга «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории». Развернутая в этих трудах концепция, являясь отражением философских и религиозно-нравственных убеждений мыслителя, в то же время преследовала и вполне практические цели: преодоление себялюбия и эгоизма в обществе, осуществление христианских идеалов в сфере политики, права и хозяйства. Нравственно-религиозный критерий позволял ему выявить истинность и справедливость социальных отношений, оправдать либо осудить их. Согласно Соловьеву, всякий общественный союз возникает на базе нравственного принципа предшествующего ему союза. Добро или высшее благо, абсолютно существующее — направляющее начало исторического процесса. «Внутренние основы добра в человеке не зависят сами по себе от формы общества». Предмет человеческой воли в ее чистом содержании составляет общественное (объективное) благо, моментами которого выступают формальное (материальное) благо, абсолютное существование и справедливость. Из стремления человека к объективному благу происходят все формы общественных союзов. Так из стремления к формальным благам возникает государство, из влечения к вечной жизни — духовное общество, а из стремления к справедливости — право. Соловьев пытается обосновать наличие реальной духовной основы общества, видя ее в неизбежности осуществления нравственной организации человечества — Богочеловечестве. В своем учении о Богочеловечестве Соловьев преодолевает, с одной стороны, крайности социализма, утверждающего первичность общественного бытия, социальных и материальных ценностей, а с другой — либерализма, придающего личности абсолютное значение.

Он отмечал, что субъектом исторического развития является действительный, хотя и собирательный организм; человечество как целое является единством, обладающим более высокой и значимой реальностью, нежели нация и государство. Процесс совершенствования человека лежит в основе процесса собирания вселенной, восхождения к всеединству: от минерального царства к растительному, от него к животному, затем наступает природно-человеческое царство, наконец, царство духовно-человеческое. В человечестве личность и общество образуют духовное единство. Личность есть полнота, но для завершения этой полноты она нуждается в обществе. Общество есть полнота, но завершение этой полноты заключено в человечестве. «Общество есть дополненная, или расширенная личность, а личность — сжатое, или сосредоточенное, общество» [3, с. 286]. Истинные социальные отношения, согласно Соловьеву, должны быть построены по принципу сочетания — сизигии. Он пишет: «Не подчиняться своей общественной сфере и не господствовать над нею, а быть с нею в любовном взаимодействии, служить для нее деятельным, оплодотворяющим началом движения и находить в ней полноту жизненных условий и возможностей — таково отношение истинной человеческой индивидуальности не только к своей ближайшей социальной среде, к своему народу, но и ко всему человечеству» [4, с. 353].

Соловьев выделяет три ступени развития человечества. Первая — экономическая — начинается с семьи, где преобладают материальные потребности. Следующая — политическая: общение всех индивидуумов между собой; самая высокая ступень — духовное общение, то есть церковь. В трансформации социальных целей существует последовательность, проявляемая в переходе от целей природ-

ных, материальных к целям цивилизационным и далее к духовным целям. Общественный прогресс все интенсивнее проявляет духовные и нравственные начала в государстве, праве и хозяйственной жизни. Жизнь всякого разумного общества, согласно Соловьеву, определена тремя главными условиями. Во-первых, необходимо обеспечивать свое материальное существование – жить естественной жизнью. Во-вторых, потребностью в средствах для развития, создаваемой городской цивилизацией, обеспечивающей искусственную жизнь общества. И, наконец, стремлением к достижению высшей цели, что подразумевает существование духовной жизни. В соответствии с данными условиями общество состоит из трех классов: сельского, городского и класса людей, занятых духовной деятельностью (общественных деятелей и вождей народа). В целом в историческом прогрессе проявляется действие общего закона универсализации: первоначальное родовое единство, сохранившееся в семье, уступает свое место национальному государству, которое впоследствии сменяется всемирностью.

Социология Соловьева исходит из утверждения ценности свободной личности и ее достоинства. «Принцип человеческого достоинства, или безусловное значение каждого лица, в силу чего общество определяется как внутреннее, свободное согласие всех, – вот единственная нравственная норма» [3, с. 347]. Сущность свободы заключена в добровольном выборе человеком божественной цели, по отношению к которой даже свобода играет подчиненную роль. Она «не определяет цель», а только выражает «способ действия», играет роль средства для ее осуществления. Внутренняя свобода, то есть добровольное и сознательное предпочтение добра злу во всем, есть главное принципиальное условие всякого добра. Согласно Соловьеву, свобода безусловна, и не задана изначально, она возникает в процессе постепенного совершенствования человека и его восхождения к Богу. В Боге – основа свободы и ее исток, ибо Бог свободен от всякой детерминации и в нем свобода и необходимость совпадают. Соловьев при этом подчеркивает, что свобода не освобождает никого от обязанностей перед людьми, а напротив, предполагает выполнение человеком своих социальных обязанностей. Человеческая личность самодостаточна, поэтому свобода одного определена свободой другого, однако человек должен относиться к другим «не как к границе своей свободы, а как к ее содержанию и объекту».

Соловьев критикует крайние теоретические позиции в исследовании политики и государства: анархизм и этапизм. В отличие от анархистов философ видит в государственной деятельности важнейшее условие культурного прогресса человечества, основанного на сложном сотрудничестве многих сил. «В государстве впервые являются солидарно действующие человеческие массы» [3, с. 467]. Политическое общество, или государство является основной формой общества. Именно оно определяет отношения людей не к внешней природе, а друг к другу непосредственно, и если задачей экономического общества является организация труда, считает Соловьев, то цель политического общества есть организация трудящихся. Государство и право представляют собой формы преодоления природного эгоизма личности. «Вообще государство представляет собой устой (status) человечества против внешних стихийных сил, действующих на него и в нем. Для такого устоя необходимо объединение самих человеческих сил, а объединение предполагает подчинение. Поэтому государство, выражая человеческую самостоятельность в общем, вместе

с тем требует строгого подчинения частных сил. Так всегда было и будет, и разница только в свойстве и образе этого подчинения» [5, с. 127]. Государственные повинности служат общественному благосостоянию, и граждане обязаны выполнять свой гражданский и патриотический долг, даже при несогласии с частными вопросами государственной политики. Руководящие принципы политики – долг и обязанность, служение обществу и государству. Оправдывая государство, Соловьев отмечает, что оно занимает срединное положение между церковью и обществом, а государственная власть выступает удерживающей силой зла до тех пор, пока «все человеческие воли не созреют для решительного выбора между абсолютным добром и безусловным злом». Соловьев видел нравственный смысл государственной деятельности в борьбе со злом, которая допускает в случае необходимости применение силы. В этой связи он критикует учение Л.Н. Толстого о непротавлении злу насилием, ибо только доброта, по его мнению, не может устранить зло, мы не имеем права «всегда и без разбора давать волю добрым чувствам». Государство призвано обеспечивать жизнь людей в мире относительных, а не абсолютных ценностей, оно является важнейшей формой восполнения частной жизни, «определенным образом организованное в отечестве».

Соловьев указывает на специфику возникновения различных государственно-правовых форм. На Востоке государство означало только господство, патриархальное или основанное на завоевании. Там вследствие духовного склада и миросозерцания народов политическая борьба могла быть только случайным явлением. «Восточный человек – квинтист и фаталист по натуре – неспособен настаивать на своих правах и бороться за них». На Востоке кто силен – тот и прав. Западное государство строится на противоборстве разных социальных сил. Каждый выставляет свое право, но эти права, сами по себе неопределенные и безграничные, а потому исключющие друг друга, могут уравновеситься только под условием общего для них предела-закона. «Западное государство, как равновесие борющихся прав, есть по преимуществу государство закона» [5, с. 128]. В древнем Риме была реализована идея абсолютного государства, которая со временем пришла в тупик и уступила свое место принципу христианского государства. В нем существующие права даны не из безграничного эгоизма, а из нравственной бесконечности человека. Тем самым, согласно Соловьеву, христианское государство соединяет в себе черты восточного и западного государств.

Соловьев критикует также этатизм, абсолютизирующий и отделяющий политику от других сфер культуры. По его мнению, не любая государственная власть нравственно оправдана, для этого она сама должна приблизиться к образу христианского государства, иначе власть государства превращается в насилие, разъединяющее людей. «В действительности все общечеловеческие дела – политика, наука, искусство, общественное хозяйство, находясь вне христианского идеала, вместо того, чтобы объединять людей, разрознивают и разделяют их, ибо все эти дела управляются эгоизмом и частной выгодой, соперничеством и борьбой и порождают угнетение и насилие», – пишет он [6, с. 303]. Политика должна быть нравственной и определяться универсальными нравственно-религиозными ценностями, способными объединять людей. Нравственная политика реализуется как в отношении отдельного человека посредством обеспечения государством его достойного существования, так и на международном уровне: нравственный закон

един и для индивидуума, и для народа в целом. «Здравая политика, — полагает он, — лишь искусством наилучшим образом осуществлять нравственные цели в делах народных и международных, руководящим мотивом политики должны быть не корысть и не самолюбие национальное, а долг и обязанность. Высший нравственный идеал требует, чтобы мы любили всех людей, как самих себя, но так как люди не существуют вне народностей (как и народность не существует вне отдельных людей) и эта связь сделалась уже нравственной, внутренней, а не физической только, то прямой логический вывод отсюда есть тот, что **мы должны любить все народности как свою собственную**» [3, с. 378]. Соловьев полагал, что христианство не упраздняет национальностей: сверхнародность не есть безнародность. Но только в свершении великого дела — создании всечеловечества — народ сохраняет свою душу.

Высшими религиозными интересами христианского государства являются: расширение христианства в мире, мирное сближение народов, а также организация общественных отношений каждого народа в соответствии с христианским идеалом. От церкви государство получает высшую цель и положительный смысл своей деятельности. Соловьев подчеркивает, что церковь по своей природе — учреждение наднациональное и «должна вообще иметь власть независимую и стоящую выше власти Государства» [7, с. 158]. Церковь не вмешивается в государственные и экономические дела, но дает государству и земству — гражданскому сообществу высшую цель и безусловную норму их деятельности. При этом в отношениях христианского государства и церкви действует принцип различения двух сфер жизни: религиозной и политической. Совместные усилия церкви и государства приводят к тому, что государство, следуя христианским началам жалости и сострадания, создает материальные предпосылки для общественного развития, церковь же заботится о внутреннем духовном и нравственном исправлении человека. Государство, возвышая религию над собой, тем самым освобождает общество от государственного всевластия и образует свободное самодеятельное общество.

Идеалом Соловьева является свободная теократия — высшая цель развития христианского государства и нормального общества, где свершилось единство духовной и светской власти, личности и государства. Общее представление о теократии сложилось у него в конце 1870-х гг., а в первой половине 1880-х гг. Соловьев разворачивает теократическую идею в подробное и аргументированное учение о вселенской церкви во главе с римским первосвященником — папой. По мнению Соловьева, теократия уже существовала в древнееврейском государстве, а в древнем Риме теократический принцип общества состоял в обожествлении республиканской и императорской власти. Христианство нанесло удар первоначальной теократии; христиане, считая государство только репрессивной силой, отняли у него положительное духовное содержание. Это привело к противостоянию церкви и государства: в Византии за счет поглощения государством церкви, а на Западе путем присвоения церковью государственных функций. В последующем произошел раскол между земством (экономическим и гражданским обществом), с одной стороны, властью и церковью, с другой. Нормальные отношения в общественной сфере, согласно Соловьеву, определяются тем, что «духовное общество, или церковь, в свободном внутреннем союзе с обществами политическим и экономическим образует один цельный организм — **свободную теократию или цельное общество**. Цер-

ковь как таковая не вмешивается в государственные и экономические дела, но дает государству и земству высшую цель и безусловную норму их деятельности» [8, с. 175]. Сущность теократии — «соединение человека с Богом через жертву в милости, через подчинение в свободе» [9, с. 166]. В свободной теократии первосвященитель церкви — вершина благочестия, он представляет духовное отечество, указывает путь развития народа и раскрывает цели Божии. Он не может судить кого-либо и передоверяет принудительную власть христианскому государю, который является вершиной милости и правды. Христианский государь со своей стороны не может вмешиваться в дела веры и совести. Их отношения строятся так, что царь полноту своей власти освящает авторитетом первого, а первосвященитель осуществляет свою авторитетную волю не иначе как через полновластие царя.

Союз двух властей, по мнению философа, чреват возможными расхождениями, и поэтому требуется третья сила, способная осуществить внутренний, нравственный контроль за царем и первосвященителем, так как внешние ограничения несовместимы с достоинством первосвященительского авторитета и царской власти. Такой силой является пророк — «вершина стыда и совести народа». «Истинный пророк есть общественный деятель, безусловно, независимый, ничего внешнего не боящийся и ничему внешнему не подчиняющийся». Он носитель безусловной свободы и власти, которая не может принадлежать толпе и демократии. Он, с одной стороны, первая власть, а с другой — лишь третья, обусловленная другими властями. С точки зрения Соловьева, различие между тремя «служениями» состоит в том, что священническое сильно главным образом благочестивой преданностью истинным преданиям прошлого, царское — верным пониманием истинных нужд настоящего, а пророческое — верой в истинный образ будущего. Философ надеется, что в условиях свободной теократии осуществится «единство без смешения и различие без разлучения». «Религиозная общность и нравственная солидарность трех верховных властей под безусловным первенством вселенского первосвященничества, — вот верховный закон, окончательный идеал Христианства как общества», — пишет он [7, с. 408]. Здесь нация, общество и индивид обретают внутреннюю ценность, не позволяющую превращать их в простое средство, и осуществляется «спасение всех людей без различия, преобразование всего этого мира в одно царское и пророческое священство, произойдет соединение всех христианских конфессий в рамках Вселенской церкви».

От России, считает он, требуется «обращение всех наших национальных дарований, всей мощи нашей империи на окончательное осуществление социальной троицы, где каждое из трех органических единств, церковь, государство и общество, безусловно, свободно и державно, не в отъединении от двух других, но в утверждении безусловной внутренней связи с ними». Союз между римским папой и русским царем видится Соловьеву как правовая гарантия богочеловеческого дела. При этом он подчеркивает, что богочеловеческий процесс не допускает никакого насилия. «Мир не должен быть спасен насильно. Задача не в простом соединении всех частей человечества и всех дел человеческих в одно общее дело. Можно представить себе, что люди работают вместе над какой-нибудь великой задачей и к ней сводят и ей подчиняют все свои частные деятельности, но если эта задача им навязана, если она для них есть нечто роковое и неотступное, если они соединены слепым инстинктом или внешним принуждением, то хотя бы такое единство распрост-

ранилось на все человечество, это не будет истинным всечеловечеством, а только огромным "муравейником"» [6, с. 306].

Начиная с 1890-х гг., категория свободной теократии все реже используется мыслителем и заменяется понятием христианского государства. Согласно Соловьёву, сфера принудительного действия христианского государства отступает перед индивидуальной свободой и вместе с тем идет вперед, оказывая помощь в социальных бедствиях. «Правило истинного прогресса состоит в том, чтобы государство как можно менее стесняло внутренний нравственный мир человека, представляя его свободному духовному действию церкви, и вместе с тем как можно вернее и шире обеспечивало внешние условия для достойного существования и совершенствования людей» [3, с. 533]. Христианское государство жалеет голодных и больных, учит темных, принудительно обуздывает злоупотребления, оно милостиво к неверующим и не вмешивается в дела священства. «Как церковь есть собирательно-организованное благочестие, так государство есть собирательно-организованная жалость» [3, с. 522]. В отмене крепостного права в России Соловьёв видел яркий пример гуманности государственной власти.

Социальные идеи Соловьёва получили свою конкретизацию в философии права. В ней развиты идеи европейской классической философии права: Канта, Шопенгауэра, Гегеля, а также гуманистические традиции отечественной философии права. Специфику философии права Соловьёва образует идея равновесия и гармонии, которая во многом следует из органического метода. Равновесие является характерным признаком права не только в материальном понимании его как совместности лично-общественных интересов, но и в формальном – как соединении личной свободы и общности (равенства перед законом), общего блага как минимума нравственности и принудительной внешней реализации. Исходя из этого Соловьёв критикует как легализм, абсолютизирующий юридическое право, так и правовой нигилизм. По его мнению, «между идеальным добром и злом действительностью есть промежуточная область права и закона, служащая воплощению добра, ограничению и исправлению зла» [3, с. 446].

Он выделяет в праве следующие основания: во первых, – силу, ибо правом и его воплощением – государством обеспечивается действительная организация нравственной жизни человечества, которая предусматривает использование силы. Во-вторых, разум – основание естественного права. Первым в истории было обычное право как непосредственное выражение родового разума, в котором начала народной воли, действуя на непосредственное практическое побуждение, облекались в форму символа. Дальнейшее развитие собирательного процесса организации человечества приводит к росту личного начала, появлению свободного союза лиц, и источником права становится договор. Таким образом, третьим основанием права становится свобода.

Прогресс права и государства Соловьёв связывает с переходом общества от управления на основе силы к управлению на основе закона. «Закон по существу своему есть общепризнанное и безличное (т.е. не зависящее от личных мнений и желаний) определение права, или понятия о должном (в данных условиях и в данном отношении) равновесии между частной свободой и благом целого, – определение, или **обще** понятие, осуществляемое через **особые** суждения в **единичных** случаях или делах» [3, с. 459]. Отличительные признаки закона – публичность,



конкретность и реальная применимость. Философ полагает, что в законе имеется и религиозный смысл: с его помощью Бог ограничивает проявление злых сил в обществе. Важное свойство закона – опора на власть, которая реально представляет право, судит, издаёт законы и принуждает к их исполнению. Власть не может быть разделена, её единство следует из общего блага. Период закона оценивается Соловьёвым как необходимый этап развития общества, создающий более широкий уровень прав и свобод людей. Позитивная социальная сторона этого периода состоит в том, что, сменив эпоху насилия, закон создаёт определённый порядок. При столкновении интересов свободных людей закон взаимно ограничивает общественные силы, обозначая границы свободных сил и предупреждая физические столкновения между ними. Формальная правда закона заключена в том, что каждый стоит за свое. «Закон избавляет сильного человека от необходимости испытывать насильственное ограничение его свободы, **заранее** указывая ему её предель» [5, с. 59]. Однако закон, по его мнению, не вносит качественно нового положительного начала в жизнь, а выражает лишь математическую справедливость: воздействие равно действию. Закон не вполне справедлив, поскольку могут быть и жестокие законы, в этом случае право оказывается «обобщённым насилием». Следовательно, правомерное государство полагает только границы, а не истинные цели общества, оно только форма и историческая среда для осуществления божественных начал.

Альтернатива эпохе законничества – осуществление подлинной правды и реализации «прямой справедливости». Соловьёв раскрывает её содержание как «равенство между мною и другими, я должен относиться к другим, так же как отношусь к себе». В нормальном обществе – практическом всеединстве, которое определяется характером свободной общности, все составляют цель деятельности для каждого и каждый для всех. «Стоять за свое, даже бесспорное право, можно неправо, ибо это может происходить из эгоизма и пристрастия, стоять же за всякое право и, во всяком случае, как за свое, – это есть дело прямой справедливости» [5, с. 60]. Принцип права есть свобода в пределах равенства, которое связано со справедливостью: справедливость есть равенство в исполнении должного. Но так как право свободы не безусловно и его осуществление зависит от степени достигнутого нравственного сознания, то идея справедливости внутренне связана с идеей милосердия, превосходящей обыкновенную справедливость: «справедливость есть жалость, равномерно применяемая».

Соловьёв пишет: «Если высший нравственный **закон обязывает** меня любить врагов, то ясно, что мои враги имеют **право** на мою любовь. Если я им отказываю в любви, то я поступаю несправедливо, нарушаю **правду**» [3, с. 447]. Данное утверждение придаёт праву метаюридический характер и приближает по своим признакам к христианской благодати. Противопоставляя благодатное право и юридическую законность, Соловьёв воспроизводит классическую для русской мысли коллизию закона и благодати и видит достоинство русского народа в его «неспособности возводить свое несовершенство в закон».

Ключевой для Соловьёва является категория нравственно-правового разума. Он отрицает безусловную противоположность права и морали, полагая, что действительное противоречие существует не между моралью и правом, а между разными состояниями правового и нравственного сознания. Это подтверждается не-

уклонным тяготением правовых норм к требованиям, совместимым с нравственными требованиями, а также единством права и морали, выраженным в языке, где принцип должностования совпадает с сознанием обязанности. «Нет такого нравственного отношения, которое не могло бы быть правильно и общепонятно выражено в терминах правовых» [3, с. 446–447]. Единство нравственности и права в том, что они исходят не из абстрактного знания действительности, а из ее оценки на основе критерия правды, право – выражение правды, которое входит в нравственные нормы. Следовательно, полное отделение формальных правовых понятий и учреждений от их нравственных принципов потеряло бы свое безусловное основание, ничем по существу не отличаясь от произвола. Право должно быть нравственным – делает вывод Соловьев.

Вместе с тем в рамках нравственного права сохраняются различия права и нравственности. Прежде всего, чисто нравственное требование предполагает нравственное совершенство или неограниченное стремление к совершенству. Правовой же закон ограничен тем, что он требует минимальной степени нравственности, вместо совершенства – нижней степени нравственного состояния, лишь фактической поддержки известных проявлений безнравственной воли.

Далее, исполнение нравственных требований не «обуславливается непременно, а также не исчерпывается никакими определенными внешними проявлениями или материальными действиями» [3, с. 448]. Напротив, юридическим законом предписываются или запрещаются вполне определенные внешние действия. По мнению Соловьева, данное различие доказывает единство нравственности и права. Требование нравственной основы жизнедеятельности человека не только не исключает необходимости внешних его поступков, но, наоборот, их предполагает. С другой стороны, предписание определенных действий не отрицает соответствующих им нравственных состояний. Нравственный и юридический закон относятся к воле человека, но первый берет эту волю в ее общности, а второй – лишь в частичной реализации.

Нравственность и право различны также потому, что принцип нравственного совершенства как внутреннего состояния человека требует свободного исполнения; напротив, внешнее осуществление закономерного – правового – порядка допускает принуждение. Резюмируя, Соловьев определяет право как «принудительное требование реализации определенного минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла» [3, с. 450]. Он поясняет: единство права и нравственности строится на зависимости общества не от совершенства некоторых, а от безопасности всех. Следовательно, принудительный закон, не допускающий злую волю до крайних проявлений, есть необходимое условие нравственного совершенствования. Требование личной свободы для такого совершенствования уже предполагает ее стеснение в той мере, в какой она в данном состоянии человечества несовместима с сохранением общества. «Право есть исторически-подвижное определение необходимого принудительного равновесия двух нравственных интересов – личной свободы и общего блага» [3, с. 453]. Из встречи индивидуальной свободы и общественного блага рождается право. В нем субъективные и объективные моменты общественной жизни и государства дополняют друг друга.

Правовая философия Соловьева содержит в себе разные мотивы и ценности. Очевиден ее либерализм, ибо в ней право выводится из свободы лица, но с другой

стороны, ссылка на нравственность как необходимый момент сохранения принудительного равновесия, характеризует концепцию Соловьева как консервативную. Консервативной делает ее и скепсис философа в отношении юридического закона и утверждение «самозаконности» морали как духовной основы права и закона. Соловьев не устраивает присуща либерализму дихотомия частного и государственного права, противостояние внутренней и внешней свободы, человека и гражданина. Поэтому частные отношения и в целом подлинная свобода им рассматриваются не в контексте права, а в рамках нравственности. Человек должен быть нравственным свободно, а для этого нужно ему предоставить некоторую свободу быть безнравственным. Граница нравственного и безнравственного пролегает в самосознании и относится к частной жизни. Право же в «известных пределах» обеспечивает за ним эту свободу, нисколько не принуждая к ее использованию. Так правовое принуждение в уголовной области, ограждая свободу мирных людей, оставляет достаточный простор и для действия злых наклонностей людей, не заставляя никого быть добродетельным. Только тогда, когда злая воля грозит безопасности общества, интерес общего блага должен ограничить свободу зла. Соловьев подчеркивает, что право, не вмешиваясь в выбор человеком добра и зла, только препятствует злым людям становиться злодеями. Так как сущность права состоит в сохранении равновесия личной свободы и общего блага, то право может только ограничить свободу личности, ни в коем случае не упраздняя ее, ибо тогда данное равновесие нарушилось бы. «Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он до времени не превратился в ад» [3, с. 454]. Исходя из идеи всеобщности нравственно-правовых норм, философ полагал, что карательные меры государства против преступника не могут дойти до отнятия жизни или свободы навсегда. Общее благо по определению благо всех людей, следовательно, и преступника. Поэтому необходимо религиозное противодействие преступлению, а преступник имеет право на нравственное вразумление. Философ считает, что государство позитивно влияет на правовой прогресс, смягчая уголовный кодекс, улучшая условия жизни заключенных и отменяя жестокие виды наказаний.

Наконец, консервативным является и скепсис Соловьева в отношении демократической формы правления; он скорее выступает за философию неравенства, нежели за власть толпы. В этом можно увидеть пример духовного аристократизма или культурного элитаризма, но скорее здесь присутствует органический подход к власти, который предполагает основой власти авторитет избранных — тех, кто может сплотить народ и человечество.

Данный подход проявился и в оценке Соловьевым факта убийства народовольцами Александра II. В своей речи на Высших женских курсах 13 марта 1881 г. Соловьев безоговорочно осудил народовольцев, поскольку «употреблять насилие для осуществления правды — значит — признать правду бессильной», а в знаменитой речи 28 марта за день до объявления приговора царем он призывал его к помилованию преступников. Свои мотивы философ изложил в письме к Александру III. «Настоящее тягостное время дает русскому царю небывалую прежде возможность заявить силу христианского начала всепрощения и тем совершить величайший нравственный подвиг, который поднимет власть Его на недостижимую высоту, и на незбылемом основании утвердит Его державу. Милую врагов своей власти вопреки

всем естественным чувствам человеческого сердца, всем расчетам и соображениям земной мудрости, царь станет на высоту сверхчеловеческую и самым делом покажет божественное значение царской власти, покажет, что в Нем живет высшая духовная сила всего русского народа», — писал он [10, с. 150]. Гуманистическая философия Соловьева отстаивала «живое» право, в котором сохраняются духовные, содержательные моменты. «Философия права Соловьева имеет не только чисто философский интерес, не только имеет значение как органическая часть общей синтетической системы философии, но глубоко проникает в специфическую природу права и потому может вполне служить и для теоретиков юристов основанием для построения стройной и соответствующей современному состоянию криспруденции общей теории права», — писал А.С. Яценко [11, с. 43]. Для Соловьева право есть не воля государства или народа, не интерес правящего класса или совокупность социальных норм, оно близко определению права как проявления культуры, выраженного в законах. В русской философии заключена глубокая мысль о наличии в праве ценностных оснований, препятствующих проявлению «похоти» власти и экспансии бездушного закона. Цель государства — разграничение и сохранение равновесия интересов, а в обществе необходимо равенство всех перед справедливой властью.

Учение Соловьева получило свое концептуальное выражение в философии хозяйства, в которой реализованы принципы социального христианства. Соловьев подвергает критике аскетизм за негативное отношение к хозяйственной деятельности и говорит о первом общественном союзе, основанном на «трудовой обработке внешней природы», считая его элементарной формой семьи. Отсюда берет начало так называемое экономическое общество. Экономика-земство стала, по его мнению, основой формирования всемирных отношений, она — «общее чувствительное» человечества и играет важную роль в процессе становления Богочеловечества. Однако, по его мнению, ложен и экономизм, признающий в человеке только экономическое деятели — производителя, собственника и потребителя вещественных благ. «Упомянутые функции не имеют сами по себе значения для человека и несколько не выражают его существа и достоинства. Производительный труд, обладание и пользование его результатами представляют одну из сторон в жизни человека или одну из сфер его деятельности, но истинно человеческий интерес вызывается здесь только тем, **как и для чего** человек действует в этой определенной области» [3, с. 407–408]. Согласно Соловьеву, экономика может быть понята только в связи с нравственностью. Нравственная обязанность воздержания, опирающаяся на присущее человеческой природе чувство стыда, — вот истинный принцип экономической жизни. Характеризуя нормальное общество, он указывал, что в нем сохраняются разделение труда, свободная конкуренция и разделение труда и капитала.

Социальный идеал Соловьева не предполагает ликвидации капитализма, а только требует его «очеловечить», связать присущие ему конкурентные отношения с началами добра. ненормальность капитализма виделась ему прежде всего в возведении низшей и служебной по существу экономической деятельности в степень высшей — в этом, по его мнению, совпадают идеалы социализма и капитализма. Зло капитализма связывается и с плутократией, экономическим кулачеством, эгоистически заботящимся о своих интересах в ущерб общественным целям. Следовательно

но, нужна иная жизненная организация – нормальное общество, которое обеспечило бы благо человека в его целостности и абсолютности, то есть абсолютное благо, различное для каждого и учитывающее индивидуальные качества субъекта. Согласно Соловьеву, противоречия капитализма устранимы на почве христианского гуманизма. Возможность эксплуатации труда капиталом устраняется благодаря тому, что в нормальном обществе обладателями капитала становятся люди, определяющие свою деятельность нравственным началом и не злоупотребляющие своим преимуществом. Принципы христианского гуманизма вменяют в обязанность не превращать богатство в самоцель, требуют «жалеть трудящихся и обремененных и не ценить их ниже бездушных вещей». Касаясь принципиальной проблемы собственности, он стремится найти оптимальный подход в ее решении. С одной стороны, он признает наследственное право, имеющее своим основанием право собственности на землю. В то же время право собственности не носит безусловный характер и ограничено законной и моральной нормой: «Смысл права требует ограничения частного произвола в пользу общего блага», – пишет он [3, с. 435], подчеркивая, что социальный прогресс был ознаменован отменой двух форм собственности: рабства и крепостного права. Получение прибыли следует подчинить социальному и духовно-нравственному благу. Работник произведет гораздо больше, если будет работать с сознанием своего человеческого достоинства и с уверенностью в своей нравственной солидарности с обществом, которое не эксплуатирует его, а заботится о нем. Государство и общество должны гарантировать минимальный уровень материального благосостояния для всех.

Высказывания философа делают его очевидным противником радикального либерализма, но не приводят и в лагерь социалистов. Соловьев оговаривает, что неравенство – незыблемый принцип общества, и необходимость организации общества на началах любви и справедливости не предполагает установления экономического равенства людей, ибо «богатство есть необходимое средство для полной реализации личного достоинства и значения». Труд должен обеспечивать всем необходимые средства к достойному существованию и всестороннему совершенствованию, а в окончательном своем назначении должен преобразовать и одухотворять материальную природу. Обязанность человека – быть хозяйственным деятелем, он должен пользоваться своим превосходством над природой не только для своего блага, но и для возвышения природы.

Социальные искания Соловьева завершаются исследованием проблемы войны в работах «Оправдание добра» и в последней книге «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории». Проблема войны в контексте всемирной истории связана для него с решением частных проблем: нравственного отношения к войне, значения войны в истории человечества, отношения отдельного человека к войне. Решая ее, Соловьев пытается нравственно и исторически оправдать войну. Он толкует евангельские тексты в духе активной борьбы личности со злом. В государстве, применяющем силу, видится средство обеспечения необходимых условий для безопасной жизни. В этой связи морально оправдываются духовно-оборонительные и отечественные войны, нравственно оправдано и исполнение человеком своего воинского долга. Как историк Соловьев признает войну объективным фактором социального и культурного прогресса, формой деятельности государства, которая, несмотря на все свои ужасы и зло, способствует объединению челове-

ства. «Организация войны в государстве – первый величайший шаг к осуществлению мира». Война лучше всего объединяет внутренние силы каждого из воюющих государств и служит условием для последующего сближения самих противников. В истории раскрывается закон обратной пропорциональной зависимости между мирными результатами войны и затратами военных сил. С точки зрения Соловьева, «безусловно неправо только само начало зла и лжи, а не такие способы борьбы с ним, как меч воина или перо дипломата: эти орудия должны оцениваться по своей действительной целесообразности в данных условиях, и каждый раз то из них лучше, которого приложение уместнее, то есть успешнее, служит добру» [12, с. 640]. Вместе с тем, он критически оценивает возможности политики. Так, политическая деятельность Антихриста ему представляется только формой, маскирующей духовное и нравственное зло; политика имманентно связана с насилием. В «Трех разговорах» ощутимы эсхатологические чаяния, предчувствие катастрофических изменений в мире, что свидетельствует о появившемся в умонастроении Соловьева пессимизме.

В целом социальные идеи мыслителя выявили противоречие между стремлением к сохранению равновесия во всех сферах общественной жизни, воплощенном в философии меры, и идеалом свободной теократии, который проявился в «философии конца». По мнению Е.Н. Трубецкого, Соловьев разочаровался в способности тогдашнего русского общества приблизиться к идеалам вселенской церкви и теократии. Идеал свободной теократии не был понят ни в России, ни в Европе. Будущее человечества видится Соловьевым в последней и решающей схватке Запада с Востоком. В этой связи он рассматривал «грозу из Китая» (боксерское восстание) как начало осуществления своих предсказаний и писал, что с выходом на историческую арену дедушки Кроноса в лице китайца «конец истории сошелся с ее началом! Историческая драма сыграна, и остался один эпилог» [13, с. 306]. В беседе с С.Н. Трубецким Соловьев выразился так: «Нельзя бороться с Китаем, не преодолев у себя внутренней китайщины. В культе Большого кулака мы все равно за китайцами утнаться не сможем; они будут и последовательнее, и сильнее нас на этой почве» [14, с. 414]. Тогда же Соловьев говорил о прозякающей опасности панисламизма, о возможном столкновении России с Западом, о безумных усилиях наших патриотов создать без всякой нужды очаг смуты в Финляндии.

Социальная философия Соловьева повлияла на многих русских мыслителей: С.Л. Франка, Н.А. Бердяева, П.И. Новгородцева, Б.А. Кистяковского, А.С. Яценко, С.Н. Булгакова, Н.Н. Алексеева. Его идеи находились в русле поисков отечественной интеллигенцией третьего пути развития общества – между капитализмом и социализмом, в равновесии между индивидуальной деятельностью и коллективным благом, правомочием личности и ее правообязанностью, ценностями собственности и служения обществу, производительным трудом и охранением природы, интересами государства и достойным бытием человека. Эти идеи были актуальны в прошлом и остаются таковыми в настоящее время, являясь предпосылкой общества, сочетающего в своих основаниях национальные традиции и универсальные общечеловеческие ценности.

#### **Литература**

1. Сборник статей о В. Соловьеве. Брюссель: Жизнь с Богом, 1994.

2. Соловьев В.С. Идея человечества у Августа Конта // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988.
3. Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988.
4. Соловьев В.С. Смысл любви. СПб.: Художественная литература, 1994.
5. Соловьев В.С. Духовные основы жизни. СПб.: Магия-пресс, Марс, 1995.
6. Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского. Вторая речь // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль. 1988.
7. Соловьев В.С. Россия и Вселенская церковь. М.: МППО «Фабула», 1991 (1911).
8. Соловьев В.С. Кризис западной философии (против позитивистов) // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988.
9. Соловьев В.С. История и будущность теократии. Т. 1. Загреб, 1887.
10. В. Соловьев. Письма. Пг., 1923.
11. Яценко А.С. Философия права Соловьева. СПб.: Сенатская типография, 1912.
12. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988.
13. Соловьев В.С. По поводу последних событий. Письмо в редакцию // Вестник Европы. 1900. № 9.
14. Трубецкой Е.Н. Смерть В.С. Соловьева // Вестник Европы. 1900. № 9.